

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

DOI: 10.17223/1998863X/46/18

Е.Г. Аванесова

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследуется модель взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций в современной России. Качественные изменения, происходящие в сфере религиозно-политических коммуникаций, связаны не только с внутривнутриполитической ситуацией, но и с общемировыми тенденциями, обусловленными кризисом политико-правового принципа светскости и «вхождением» мировых сообществ в постсекулярный период своего развития, одной из характерных черт которого является возвращение религии в публичное пространство.

Ключевые слова: органы власти, религиозные организации, модели государственно-религиозных взаимодействий, конфессиональная политика, правовые основы конфессиональной политики РФ, постсекулярность.

В каждом национальном государстве модель взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений имеет свою специфику, обусловленную политическими, культурными, историческими особенностями их развития, однако при этом существуют некоторые общие принципы выстраивания религиозно-политических взаимодействий, позволяющие говорить о наличии классических моделей. В светских государствах, как правило, реализуется одна из двух моделей коммуникативного взаимодействия религии и политики: либо сепарационная, либо кооперационная.

В основе сепарационной модели – самостоятельное и независимое существование государства и религиозных организаций, их невмешательство во внутренние дела друг друга, формальное равенство всех конфессий. Государство исходит из того, что религия – это частное дело, а религиозные организации могут обладать всей полнотой свободы, но за границами государственной и общественной жизни [1]. Между тем реализация сепарационной модели в светском государстве не есть признак отсутствия каких бы то ни было взаимодействий между ним и религиозными организациями. Коммуникация осуществляется в законодательной сфере и на практике проявляется в контроле государством соблюдения законности со стороны религиозных объединений, защите прав верующих, решении вопросов регистрации объединений и т.д. [2. С. 232]. В свою очередь, кооперационная модель строится на идее «защиты ведущих конфессий при сохранении основных гражданских прав религиозных меньшинств» [Там же. С. 233] и признании необходимости сотрудничества государства и религиозных организаций, которое

может выстраиваться на разных основаниях, в том числе и на основании конкордатном.

Сегодня, пожалуй, нет ни одного государства, вне зависимости от того, является ли оно моноконфессиональным или поликонфессиональным, перед которым не стояла бы проблема повышения эффективности взаимодействия между органами власти и религиозными организациями. Религия продолжает сохранять свою значимость в общественной и политической жизни современных государств, она не только не «отмирает», вопреки многим «оптимистичным» прогнозам, но прочно занимает своё специфическое место в мире; более того, сегодня есть смысл говорить об определённом религиозном «ренессансе» [3. С. 3]. Как пишет Ю. Хабермас, в современном мире церкви и религиозные сообщества утратили часть своих функций, что является неизбежным следствием процесса секуляризации, однако в целом религия сохранила «влияние и значимость на политической арене, в культуре общества или в персональном образе жизни» [4]. Современные сообщества, прошедшие путь секулярного развития, вступили в новый этап – постсекулярный, одним из признаков которого является «усиление влияния религии внутри национальных государств» [Там же]. По словам Ю. Хабермаса, религиозные организации все в большей мере берут на себя роль «интерпретирующих сообществ», так как могут оказывать влияние на общественное мнение и общественную волю. И хотя учёный полагает, что термин «постсекулярное общество» может быть применён далеко не к каждой стране, и называет постсекулярными только «высокоразвитые общества» Европы и такие страны, как Канада, Австралия и Новая Зеландия, на наш взгляд, его в определённой мере можно отнести и к РФ, которая, как и бывшие социалистические страны, пережила «наиболее жесткое отдаление религии от государства» [5], пройдя, таким образом, свой путь секулярного развития. Для стран с коммунистическим режимом был характерен особый тип секуляризации, получивший название «советская секуляризация» и определяемый в научной литературе как процесс, основной вектор которого был направлен на вытеснение религии не только из публичной сферы, но и из частной жизни граждан [6. С. 167].

Постсекулярность, характеризующаяся возвращением религии в публичную сферу, в том числе и сферу политическую, во многом стала откровением, так как «со времён Просвещения интеллектуалы всех мастей думали, что неизбежным результатом эпохи модерна будет упадок религии» [7. С. 8]. Новая реальность, актуализирующая специфические формы сочетания религиозного и светского, требует осмысления как в мировом масштабе, так и на уровне национальных государств. По справедливому замечанию Д. Гараева [5], постсекулярность не несёт опасности полной победы религиозности как доминирующего мировоззрения, поэтому актуальной становится не «война» с религией, а грамотная интеграция религиозных сообществ в культурную, общественную, политическую жизнь отдельных государств. Таким образом, постсекулярная эпоха ставит перед национальными сообществами новые задачи по модернизации и оптимизации существующих моделей религиозно-политических взаимодействий.

Проблема выстраивания эффективного взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций сохраняет свою значимость и

актуальность на всех этапах исторического развития Российского государства, не составляет исключения и постсоветский период. Традиционно считается, что с 1990-х гг. в России реализуется сепарационная модель религиозно-политических взаимодействий, которая была задана Конституцией РФ 1993 г., провозгласившей светский характер государства: «...религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [8]. Однако сегодня есть основания полагать, что в РФ происходят такие процессы в сфере взаимодействия органов власти и религиозных организаций, которые позволяют говорить о «трансформации системы государственно-конфессиональных отношений от сепарационной к кооперационной модели» [9].

В 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [10], положения которого в большинстве своём соответствуют конституционному принципу светскости Российского государства: невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений, контроль за соблюдением религиозными организациями законодательства Российской Федерации о свободе совести, закрепление принципа отделения религиозных объединений от государства. Данный Закон, с одной стороны, формально закрепил сепарационную модель религиозно-политических взаимодействий, подчеркнул равенство всех конфессий в их взаимодействии с органами власти. С другой стороны, Закон ввёл особые критерии для государственной регистрации религиозной организации, что ограничило или исключило возможность деятельности нетрадиционных культов на территории России, а перечисление в преамбуле Закона религий, составляющих «неотъемлемую часть исторического наследия народов России», стало своеобразным признанием за этими религиями статуса традиционных.

По мнению ряда российских исследователей, положения данного Закона, подчёркивающие светский характер государства, регулярно нарушались и нарушаются как со стороны органов власти, так и со стороны религиозных объединений: религиозные организации активно вмешиваются в социально-политические процессы в обществе, а органы власти этому не препятствуют [11. С. 8]. Представляется, что данное обстоятельство правильнее расценивать не как «нарушение» законодательства, а как поиск и теми и другими новых механизмов взаимодействия в едином социальном и политическом пространстве. Государство не может не учитывать усиление влияния религиозных организаций и рост религиозного самосознания, особенно в мусульманских регионах России, религиозные организации, в свою очередь, вынуждены считаться со светским российским законодательством. Можно констатировать, что начавшийся в 90-е гг. процесс формирования конфессиональной политики, сопряжённый с процессами становления российской государственности и осознания религиозными объединениями своего места и роли в новой политической реальности, еще не завершен.

В последние годы наметились две тенденции в отношениях органов власти к религиозным конфессиям: поддержка лояльных государству организаций и активная борьба с организациями радикальными. Одним из направлений борьбы с религиозным экстремизмом стало совершенствование механизма контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций. Государственная Дума РФ приняла Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О свободе совести и о рели-

гиозных объединениях“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12], закрепившие право Минюста России и его территориальных органов осуществлять проверку финансовой деятельности религиозной организации по фактам получения ею денежных средств от международных организаций, нарушения законодательства Российской Федерации или наличия в ее деятельности признаков экстремизма. В случае признания Минюстом несоответствия целей, задач или практики религиозной организации законодательству РФ орган исполнительной власти имеет право приостанавливать её деятельность. Примером реализации Минюстом данного права является приостановление на территории РФ деятельности религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» [13], практика которой была признана экстремистской.

Организации, представляющие традиционные религии, государство пытается интегрировать в общественную жизнь, максимально используя их возможности и авторитет. Одним из механизмов интеграции стали многочисленные договоры, которые государство заключает с религиозными объединениями. Первые соглашения о сотрудничестве были заключены между Московской патриархией Русской православной церкви и федеральными органами исполнительной власти. Затем подобные соглашения стали заключаться и с представителями других традиционных конфессий, например духовными управлениями мусульман [14], объединениями иудеев, но уже преимущественно на региональном уровне [15]. Сегодня десятки соглашений между органами государственной власти и религиозными организациями регулируют их взаимодействие в различных сферах общественной жизни, создавая правовую основу для полноценного сотрудничества. Субъектами соглашений, как правило, выступают органы исполнительной власти федерального или регионального уровня и традиционные конфессии. Предметом соглашений является сотрудничество сторон в рамках их компетенции в таких сферах, как образование, культура [16], спорт, работа с молодёжью, социальная защита населения, здравоохранение [17], патриотическое воспитание, обеспечение реализации религиозных потребностей военнослужащих, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы, и др. [18]. После подписания соглашения каждая из сторон приобретает определённые права и обязанности.

Заключение указанных договоров – явление новое в практике конфессионально-государственных взаимодействий в РФ, но уже сегодня оно может быть оценено как положительное и взаимовыгодное. Религиозные организации получают возможность открыто и на законных основаниях осуществлять социальную деятельность при финансовой и иной (предоставление площадок, обучение и т.д.) поддержке со стороны государства. Для государства такие соглашения выгодны вдвойне, так как с одной стороны, оно приобретает партнёра, с другой стороны, имеет возможность контролировать и регулировать его деятельность. Несмотря на многочисленность соглашений между государством и религиозными организациями, нужно признать, что носят они «точечный» характер, а предметом их является сотрудничество сторон в какой-либо конкретной сфере общественной жизни. Так называемые комплексные соглашения (конкордаты) между государством и религиозными организациями в РФ отсутствуют.

По вопросу о необходимости введения в России конкордатной системы конфессионально-государственных отношений существуют самые разные точки зрения. Сторонники заключения конкордата (между органами государственной власти и традиционными конфессиями) полагают, что это «позволило бы завершить в определенной степени процесс формирования правовой базы церковно-государственных взаимоотношений, вывести регулирование государственно-конфессиональных отношений на новый правовой уровень» [15]. Противники считают такой вариант неприемлемым, поскольку, с их точки зрения, конкордатная система религиозно-политических взаимодействий в РФ стала бы прямым нарушением действующей Конституции и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», определивших светский характер российского государства, понимаемый ими как равенство всех религиозных организаций. Публичные дискуссии, касающиеся проблемы конкордата, указывают, во-первых, на неготовность части населения РФ принять идею конкордата, а во-вторых, на настороженное отношение к этой идее представителей традиционных конфессий (в первую очередь мусульман), поскольку они полагают, что основным «бенефициаром» при реализации этой идеи будет РПЦ, а остальные религиозные организации всё равно окажутся на вторых ролях [19].

Таким образом, в современной России практическая деятельность по взаимодействию органов государственной власти и религиозных организаций «переросла» существующее в этой сфере законодательство. Реально складывающаяся система взаимоотношений государства и религиозных объединений постепенно приобретает характер *сотрудничества (партнерства)* на основе четкого разделения их функций, что указывает на постепенное изменение модели конфессионально-государственных взаимодействий в направлении кооперационного типа [20]. Движение государства в указанном направлении будет продолжаться, так как этому способствует ряд причин. Во-первых, успешный опыт осуществления совместных социальных и культурных проектов. Во-вторых, политическая и социальная активизация религиозных организаций в ряде регионов России. Речь идёт прежде всего об исламских республиках, в которых религиозные организации всё больше выступают в роли «интерпретирующих сообществ», не считаться с которыми невозможно. Выстраивание партнёрских отношений и заключение соглашений с такими «сообществами» становится своеобразным каналом, по которому «социальная энергия» религиозных организаций перенаправляется в нужное для государства русло.

Отсутствие внятной коммуникативной стратегии государства, касающейся взаимодействия органов власти и религиозных организаций, способствует интенсификации поиска модели конфессиональной политики на региональном уровне. РФ – поликонфессиональное государство, в каждом субъекте которого формируется специфический опыт коммуникации между региональными органами власти и зарегистрированными на данной территории религиозными организациями, представляющими те или иные конфессии. Основными формами взаимодействия на региональном уровне являются как формальные контакты, проявляющиеся в подписании соглашений о сотрудничестве [21], участии священнослужителей в работе общественных организаций [22], так и неформальные (которые приобретают особое значе-

ние): личные встречи представителей власти с лидерами религиозных организаций, сотрудничество без заключения договоров с государственными структурами [23. С. 50–59] и т.д. Между тем региональные модели носят в определённой степени несистемный и случайный характер. Так, «в одних областях власть склоняется к сепарационной модели, в других – к авторитарной» [1], при которой местные власти пытаются полностью подчинить религиозные организации своим идеологическим установкам. Интенсивность и качество взаимодействий зависят от «доброй воли» региональной политической элиты, смена которой вполне может привести к изменению модели конфессиональной политики. И причина такой ситуации – отсутствие «должного правового основания» [24].

Эта же проблема в полной мере определяет характер конфессиональной политики федерального уровня. Существующая тенденция к изменению модели религиозно-политических взаимодействий не является необратимой, поскольку не закрепляется никакими правовыми «шагами». Более того, смена моделей никогда не провозглашалась государством в качестве конечной цели изменения конфессиональной политики. Однако все трансформации, касающиеся коммуникативных стратегий, не случайны, они отражают те перемены, которые происходят не только в стране, но и в мире и могут быть определены как «возвращение религии в публичное пространство». В современных мировоззренческих дискуссиях всё чаще высказывается мысль о том, что политико-правовой принцип светскости, заложенный в политический метанарратив современности, структурирующий государственно-конфессиональные отношения и определяющий во многом саму сущность взаимоотношений между церковью, обществом и государством, переживает кризис [25. С. 167]. А это означает, что государство вынуждено будет вырабатывать новые стратегии взаимодействия с активизирующими свою деятельность религиозными объединениями, которые в случае успеха позволят ему сохранить «доброжелательные толерантные цивилизованные взаимоотношения между гражданами, каких бы мировоззренческих взглядов они ни придерживались» [26. С. 29].

Таким образом, современный этап формирования государственно-конфессиональных взаимодействий может быть охарактеризован как переходный: от модели сепарационной к модели кооперационной, основанной на идее социального партнёрства с традиционными религиями. Данный переход не есть последовательная реализация принятой государством стратегии, а скорее вынужденная реакция на всё более возрастающую активность религиозных организаций. Представляется, что определённого рода пассивность государства связана с боязнью перемен в такой взрывоопасной сфере, какой является сфера межконфессиональных взаимодействий, нарушения хрупкого баланса во взаимодействии государства и религиозных организаций в современной России.

Литература

1. *Щипков А.В.* Религиозно-правовая ситуация в России (90-е годы) [Электронный ресурс] // RELIGARE. Религия и СМИ : интернет-портал. Электрон. дан. М., 2003. URL: http://www.religare.ru/2_7107.html (дата обращения: 05.02.2018).
2. *Топчиев М.С.* Анализ и типологизация основных мировых моделей регулирования государственно-конфессиональных отношений // Гуманитарные исследования. 2013. № 3 (47). С. 230–336.
3. *Аванесова Е.Г.* Взаимодействие религии и политики как философская проблема. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 126 с.

4. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма»: «Постсекулярное» общество – что это такое? [Электронный ресурс] // Русский журнал: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 07.02.2018).

5. *Гараев Д.* Здравствуй, постсекулярное общество! (или спасибо Хабермасу) [Электронный ресурс] // MuslimBlogs. Мусульманское концептуальное обозрение от блогеров, журналистов, аналитиков и учёных: интернет-портал. Электрон. дан. Казань, 2011 URL: http://www.muslimblog.ru/publ/rubriki/slovo_ehkspertu/zdravstvuj_postsekuljarnoe_obshhestvo_ili_s_pasibo_khabermasu/6-1-0-176 (дата обращения: 08.02.2018).

6. *Шишков А.* Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 165–177.

7. *Бергер П.* Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8–20.

8. *Конституция РФ* [Электронный ресурс] // Кодекс РФ: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2018. URL: <http://vladrieltor.ru/constitution1> (дата обращения: 07.02.2018)

9. *Зверева В.А.* Российское государство и религиозные конфессии: трансформация моделей взаимодействия: Федеральный и региональный уровни [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2006. 23 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из электрон. б-ки РГБ.

10. *Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»* от 26.09.1997 № 125-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Электрон. дан. М., 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 15.12.2017).

11. *Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г.* Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. 2013. № 1. С. 6–19.

12. *Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О свободе совести и о религиозных объединениях“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации»* от 28 ноября 2015 г. № 341-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет-портал. Электрон. дан. М., 2018. URL: <https://rg.ru/2015/11/30/sovest-dok.html> (дата обращения: 26.02.2018).

13. *О приостановлении деятельности религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России»* [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации: сайт. Электрон. дан. М., 2018. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/o-priostanovlenii-deyatelnosti-religioznoy-organizacii-upravlencheskiy-centr-svideteley> (дата обращения: 26.02.2018).

14. *Соглашение о взаимном сотрудничестве между ДУМ ВО и УФСИН РФ* [Электронный ресурс] // Мухтасибат Владимирской области. Духовное управление мусульман Российской Федерации: сайт. Электрон. дан. Владимир, 2016. URL: <http://vladmuslim.ru/component/content/article/37-novosti/531-soglasenie-o-vzaimnom-sotrudnichestve-mezhdu-dum-vo-i-ufsin-rf> (дата обращения: 05.02.2018).

15. *Писенко К.* Соглашения о сотрудничестве между религиозными объединениями и исполнительными органами государственной власти России [Электронный ресурс] // Православие.Ру: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5158.html> (дата обращения: 12.02.2018).

16. *Соглашение между Министерством культуры РФ и Русской Православной Церковью* [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. Электрон. дан. М., 2012. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2199116.html> (дата обращения: 05.02.2018).

17. *Соглашение о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации* [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. Электрон. дан. М., 2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1556321.html> (дата обращения: 27.02.2018).

18. *Епархиальные договоры и соглашения* [Электронный ресурс] // Московская Епархия Русской Православной Церкви: сайт. Электрон. дан. М., 2018. URL: <http://www.mepar.ru/documents/dogovora/> (дата обращения: 10.02.2018).

19. *Д. Медведев одобрил «конкордат» с РПЦ. Чем это грозит мусульманам?* [Электронный ресурс] // Ислам: интернет-портал. Электрон. дан. [Б.м.], 2008. URL: <http://emuslim.net/islam-segodnya-zavtra/islam-v-rossii/d.-medvedev-odobril-konkordat-s-rptsc.-chem-eto-grozit-musul-manam.html> (дата обращения: 17.02.18).

20. *Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Электрон. дан. М., 2013. URL: http://www.golden-ship.ru/_id/18/1842_1470.htm#_toc_IDACP0MF (дата обращения: 28.02.2018).

21. УМВД России по Томской области и Религиозная организация «Томская Епархия Православной Церкви (Московский Патриархат)» подписали Соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: сайт. Электрон. дан. Томск, 2018. URL: <https://70.мвд.рф/news/item/2001630> (дата обращения: 06.03.2018).

22. Священник Томской епархии принял участие во встрече губернатора Томской области с членами Общественной палаты [Электронный ресурс] // Православие в Томске: официальный сайт Томской Епархии Московского Патриархата Русской Православной церкви. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <http://pravoslavie.tomsk.ru/news/3333> (дата обращения: 06.03.2018).

23. Социальное партнерство государства и религиозных организаций. М. : Научный эксперт, 2009. 232 с.

24. Каневский К. Социальное партнерство государства и религиозных объединений: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] // RELIGARE. Религия и СМИ: интернет-портал. Электрон. дан. М., 2005. URL: http://www.religare.ru/2_18508.html (дата обращения: 01.03.2018).

25. Мchedlova M.M. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. 2016. № 1. С. 157–174.

26. Кудряшова М.С., Мchedlova E.M. Религия и политика в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 23–30.

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 157–166.

DOI: 10.17223/1998863X/46/18

INTERACTION OF GOVERNMENT AUTHORITIES AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS: THE EXPERIENCE OF MODERN RUSSIA

Keywords: authorities; religious organizations; models of state-religious interaction; confessional politics; legal foundations of confessional policy of Russian Federation; postsecularity.

This paper is devoted to the study of the model of interaction between state authorities and religious organizations in modern Russia. Traditionally, it is believed that since the 1990s a separation model of religious and political interactions, which was set by the 1993 Constitution of the Russian Federation that proclaimed the secular nature of the state, has been implemented in the Russian Federation. However, today there are reasons to believe that the interaction between authorities and religious organizations is being transformed from state-confessional relations into the cooperative model in Russia. These changes are indicated by an attempt of the state to build partnership relations with religious organizations representing traditional confessions, by concluding cooperation agreements on their interaction in various spheres of public life. Despite the large number of agreements between the state and religious organizations, it must be recognized that they are “point-like”, and their subject is cooperation of the parties in a particular sphere of public life. In the Russian Federation, there are no complex agreements (concordats) concluded between states and religious organizations. The current tendency to change the model of the religious-political interaction is not irreversible, since it is not fixed by any legal “steps”. Moreover, a change of models has never been proclaimed by the state as the ultimate goal of changing the confessional policy. However, all the transformations concerning communicative strategies are not accidental; they reflect the changes that occur not only in the country, but also in the world, and they can be defined as the “return of religion to the public space”. The desire of religious organizations to participate in all spheres of social life, including the political sphere, forces the state to seek new approaches to building state-confessional interactions, which, in the author’s view, is not a consistent implementation of the state’s strategy, but rather a forced reaction to the growing activity of religious organizations.

References

1. Shchipkov, A.V. (2003) *Religiozno-pravovaya situatsiya v Rossii (90-e gody)* [Religious and legal situation in Russia (the 1990s)]. [Online] Available from: http://www.religare.ru/2_7107.html. (Accessed: 5th February 2018).

2. Topchiev, M.S. (2013) Analiz i tipologizatsiya osnovnykh mirovykh modeley regulirovaniya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy [Analysis and typology of the main world models of

regulation of state-confessional relation]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Researches*. 3(47), pp. 230–336.

3. Avanesova, E.G. (2010) *Vzaimodeystvie religii i politiki kak filosofskaya problema* [The interaction of religion and politics as a philosophical problem]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Habermas, J. (2008) *Protiv "voinstvuyushchego ateizma". "Postsekulyarnoye" obshchestvo – chto eto takoye?* [Against "militant atheism". "Post-secular" society – what is it?]. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushchego-ateizma>. (Accessed: 7th February 2018).

5. Garaev, D. (2011) *Zdravstvuy, postsekulyarnoye obshchestvo! (ili spasibo Khabermasu)* [Hello, post-secular society! (or thanks to Habermas)]. [Online] Available from: http://www.muslim-blog.ru/publ/rubriki/slovo_ehkspertu/zdravstvuy_postsekuljarnoe_obshchestvo_ili_spasibo_khabermasu /6-1-0-176. (Accessed: 8th February 2018).

6. Shishkov, A. (2012) Some Aspects of Desecularization in Post-Soviet Russia. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2(30), pp. 165–177. (In Russian).

7. Berger, P. (2012) Secularization Falsified. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2(30), pp. 8–20. (In Russian).

8. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya RF* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://vladlietor.ru/constitution1>. (Accessed: 7th February 2018).

9. Zvereva, V.A. (2006) *Rossiyskoe gosudarstvo i religioznye konfessii: transformatsiya modeley vzaimodeystviya: Federal'nyy i regional'nyy urovni* [Russian State and Religious Confessions: Transformation of Interaction Models: Federal and Regional Levels]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Voronezh.

10. Russian Federation. (1997) *Federal Law No. 125-FZ "On Freedom of Conscience and Religious Associations"* of September 26, 1997. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. (Accessed: 15th December 2017). (In Russian).

11. Yakhyaev, M.Ya. & Kamyshova, E.G. (2013) *Vlast' i religiya v sovremennoy Rossii: metamorfozy vzaimodeystviya* [Power and Religion in Modern Russia: Metamorphoses of Interaction]. *Islamovedenie – Islamic Studies*. 1. pp. 6–19.

12. Russian Federation. (2018) *Federal Law No. 341-FZ "On Amendments to the Federal Law On Freedom of Conscience and Religious Associations and Certain Legislative Acts of the Russian Federation of 28 November 2015"*. [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/11/30/sovest-dok.html>. (Accessed: 26th February 2018). (In Russian).

13. Ministry of Justice, Russian Federation. (2018) *On the suspension of the activities of the religious organization "The Administrative Center of Jehovah's Witnesses in Russia"*. [Online] Available from: <http://minjust.ru/ru/novosti/o-priostanovlenii-deyatelnosti-religioznoy-organizacii-upravlencheskiy-centr-svideteley>. (Accessed: 26th February 2018). (In Russian).

14. Mukhtasibat, Vladimir region. Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation. (2016) *Soglasenie o vzaimnom sotrudnichestve mezhdum DUM VO i UFSIN RF* [Agreement on mutual cooperation between DUM VO and UFSIN RF]. [Online] Available from: <http://vladmuslim.ru/component/content/article/37-novosti/531-soglasenie-o-vzaimnom-sotrudnichestve-mezhdum-dum-vo-i-ufsin-rf>. (Accessed: 5th February 2018).

15. Pisenko, K. (2005) *Soglaseniya o sotrudnichestve mezhdum religioznymi ob"edineniyami i ispolnitel'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Rossii* [Agreement on Cooperation between Religious Associations and the Executive Bodies of the Government of Russia]. [Online] Available from: <http://www.pravoslavie.ru/5158.html>. (Accessed: 12th February 2018).

16. Russian Orthodox Church. (2012) *Soglasenie mezhdum Ministerstvom kul'tury RF i Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu* [Agreement between the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2199116.html>. (Accessed: 5th February 2018).

17. Russian Orthodox Church. (2011) *Soglasenie o sotrudnichestve mezhdum Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu i Ministerstvom zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* [Agreement on cooperation between the Russian Orthodox Church and the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1556321.html>. (Accessed: 27th February 2018).

18. Moscow Diocese of the Russian Orthodox Church. (2018) *Eparkhial'nye dogovory i soglaseniya* [Diocesan agreements]. [Online] Available from: <http://www.mepar.ru/documents/dogovora/>. (Accessed: 10th February 2018).

19. Islam: internet-portal. (2008) *D. Medvedev odobril "konkordat" s RPTS. Chem eto grozit musul'manam?* [D. Medvedev approved the "concordat" with the ROC. How does this threaten Mus-

lims?]. [Online] Available from: <http://emuslim.net/islam-segodnya-zavtra/islam-v-rossii/d.-medvedev-odobril-konkordat-s-rptsc.-chem-eto-grozit-musul-manam.html>. (Accessed: 17th February 2018).

20. Shakhov, M.O. (2013) *Pravovye osnovy deyatelnosti religioznykh ob"edineniy v Rossiyskoy Federatsii* [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.golden-ship.ru/_ld/18/1842_1470.htm#_toc_IDACP0MF. (Accessed: 28th February 2018).

21. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2018) *UMVD Rossii po Tomskoy oblasti i Religioznaya organizatsiya "Tomskaya Yeparkhiya Pravoslavnoy Tserkvi (Moskovskiy Patriarkhat)" podpisali Soglasheniye o sotrudnichestve* [The Ministry of Internal Affairs of Russia in Tomsk Oblast and the Religious Organization "Tomsk Diocese of the Primordial Church (Moscow Patriarchate)" signed a Cooperation Agreement]. [Online] Available from: <https://70.mvd.rf/news/item/2001630>. (Accessed: 6th March 2018).

22. Orthodoxy in Tomsk. (2017) *Svyashchennik Tomskoy eparkhii prinyal uchastie vo vstreche gubernatora Tomskoy oblasti s chlenami Obshchestvennoy palaty* [The priest of the Tomsk diocese took part in the meeting of the governor of the Tomsk region with members of the Public Chamber]. [Online] Available from: <http://pravoslavie.tomsk.ru/news/3333>. (Accessed: 6th March 2018).

23. Yakuniv, V.I. et al. (2009) *Sotsial'noe partnerstvo gosudarstva i religioznykh organizatsiy* [Social partnership of the state and religious organizations]. Moscow: Nauchnyy ekspert.

24. Kanevskiy, K. (2005) *Sotsial'noe partnerstvo gosudarstva i religioznykh ob"edineniy: problemy pravovogo regulirovaniya* [Social partnership of the state and religious associations: problems of legal regulation]. [Online] Available from: http://www.religare.ru/2_18508.html. (Accessed: 1st March 2018).

25. Mchedlova, M.M. (2016) Sociocultural Meanings of Politics: New Logic of Interpretation and Religious References. *Polis – Polis. Political Studies*. 1. pp. 157–174. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11

26. Kudryashova, M.S. & Mchedlova, E.M. (2008) *Religiya i politika v sovremennoy rossiyskom obshchestve* [Religion and politics in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 4. pp. 23–30.